

МИХАИЛ ГРОЗОВСКИЙ

СПЛЕТЕНЬЕ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

СКОМОРОХИ

И в правах, и в словах, и в делах
и Восток нас обставил, и Запад;
и по уровню жизненных благ,
и на вкус, и на цвет, и на запах.

Кто ловчей да бойчей, те как раз
и выходят в приличные люди.
Это там. Далеко. Не у нас.
А у нас — победителей судят.

Перевернутым судят судом,
кто ловчей да бойчей — те и плохи.
И гудит опрокинутый дом.
И выходят на круг скоморохи.

Скоморохам зачем побеждать?
Только вскинься —
окажешься в луже.
Эка ль радость, победа?!

ГРОЗОВСКИЙ Михаил Леонидович родился в Москве в 1947 году. Поэт, прозаик. Окончил отделение физического факультета МГУ. В 1978 году поступил в Литинститут (семинар Е. Винокурова). Автор двух книг документальной прозы, шести сборников стихов, составитель двух поэтических антологий и более полусотни детских книжек, не считая неоднократно переизданной книги стихов "Мой Зоопарк". Лауреат ряда литературных премий. Живет в Москве.

Видать,
в нашем доме чем лучше, тем хуже.
И не важно, чем кончится суд,
с давних пор скоморохи не плачут.
Нынче сами себя вознесут,
завтра сами себя одурачат.

Но смеются леса и поля,
дескать, даром возьмешь, а не купишь!
Побеждённых прощает земля,
победил — и пойдут без руля
скоморохи крутить кренделя...
И в кармане окажется кукиш.

8 ДЕКАБРЯ 1991 ГОДА

Зимнее утро над пущей встаёт Беловежской.
Уголья звёзд доглевают.
Быков первобытное стадо
дремлет и дышит неспешным и ровным дыханьем.

Всё, как всегда. Заповедные древние звери
чуткие ноздри в зыбучую тишь погружают.
Ночью был снег.

На снегу обозначился ясно
заячий след, а поблизости — след россомахи...

Вот вам конец одного и начало сюжета другого.
В жизни народов бывают следы и поглубже.
Эпос трагедии новой рождается втайне.
Роли разыграны. Выбраны место и время.
И кульминация — третьего Рима паденье.

Впрочем, ни белка, ни зубр, ни пугливый глухарь, ни лисица,
да и никто из живых, обитающих здесь, не услышит
гула веков, оскорблённых и преданных всуе.
В вечность вмерзают следы.
За предков ответят потомки.
Зимнее утро над пущей встаёт Беловежской...

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧУКОТКЕ

Олегу Епишкину

“Есть три глагола на Руси.
Запомни — только три:
не верь, не бойся, не проси.
Запомнил? Повтори”.

Так говорил мне бывший зек
по имени Олег
в полярном городе Певек.
Матёрый человек.

То был неписанный закон,
таящийся во мгле,
который рыщет испокон
по сумрачной земле,

где истина не знает прав,
где, вынырнув из тьмы,
душа являет странный сплав
свободы и тюрьмы.

...Над морем дождик моросил.
Потом посыпал снег.
“Не верь, не бойся, не проси”, —
доказывал Олег.

Мы разгружали мокрый брус
на пирсе ледяном,
и я, беря тяжёлый груз,
поймал себя на том,

что не Олеговы твержу
глаголы наизусть,
а сил у Господа прошу,
и верю, и боюсь,
и в каждый вслушиваюсь звук,
дойдя до неба вплоть.

— Одно из двух, одно из двух, —
прошелестел Господь,
который, видимо, скучать
устал на небеси
и вздумал сам поизучать
закон всея Руси.

Предштормовой сгущался мрак.
Ветра пошли вразлад.
И я отправился в барак,
Чтоб высушить бушлат.

За мною расстилалась даль
неведомой воды.
Там море, серое, как сталь,
переходило в льды.

А здесь на берег падал снег,
и лбами о причал
стучали баржи... И Олег
в полярном городе Певек
мне истину вещал.

* * *

Закат свои рыжие волосы
раскинул вблизи от земли,
и женщина тихо, вполголоса
запела о тайной любви.

Взволнованную, златокрылую
во мгле уходящего дня
хотелось обнять её, милую,
привлѣкшую пенем меня.

Хотелось мечтой невозможною,
двойное постичь бытѣ:
войти в её песнь осторожную
и не потревожить её.

* * *

Полнолуние. Август. Звучанье
божьих нот на небесной струне
и сплетенье любви и печали
в фосфорическом лунном огне.

Понимаю: заложники все мы
красоты и утраты земной.
Это старая-старая тема,
это спор человека с луной.

А точнее, не спор, а участие
в разговоре, когда налегке
целый мир просто так, в одночасье
говорит на одном языке.

СОМНЕНИЕ

Какой же мне всё-таки вывод
из собственной жизни извлечь?
Зачем мне стихи — этот выдох,
обёрнутый в русскую речь?

Нужны ли они небосводу,
его вековой глубине
иль это подарок в угоду
от Бога тщеславному мне?

Вопросы, как на коромысле:
Попробуй-ка, уравновесь...

Но что мне в том выводе, в смысле
во всех этих “нет” или “есть”,
когда в свете утра не знаю,
жив буду ли к сумеркам дня
и женщина, сердцу родная,
увидит ли завтра меня?..